

ЛЕС, КОТОРОЙ УЧИТ

П. КАСЫМКИНА

Полина Касымкина
Лес, который учит

«Автор»

2025

Касымкина П. В.

Лес, который учит / П. В. Касымкина — «Автор», 2025

Когда вода в колодце стала пахнуть пустотой, а из леса донёлся глухой стук, Мила поняла — что-то идёт не так. Вместе с подругой и другом ей предстоит расследование: кто отравляет реку, и как это связано с заброшенным карьером? Подростки объединяют деревню, встречают домового, русалку и даже лешего — и все они указывают на одну беду: трубы под землёй. Но взрослые не всегда готовы слушать, а у завода есть свои тайны. Чтобы изменить будущее, ребятам придётся сделать выбор: молчать или бороться. «Дух леса» — это не только мистическая история, но и детектив о маленьком сообществе, которое решило не закрывать глаза. Здесь есть дружба, опасность, тихие ритуалы и большие ставки — ведь от их действий зависит, услышит ли лес людей. Изображение: Gemini

Содержание

Тревожный лес	5
Колодец	7
День и бабушкин совет	9
Ночь и сон	11
Утро и ритуал	13
Домовой в печи	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Полина Касымкина

Лес, который учит

Тревожный лес

За огородом бабушкиной избы начинался лес – широкий, густой, на первый взгляд привычный: берёзы белыми столбиками, тёмные ели, влажная земля, запах смолы. Но в августе он будто бы перешёл на шёпот. Птицы молчали, ветер двигался осмотрительно, трава не звенела, как раньше. Тишина висела, словно лес не хотел делиться своими мыслями.

На крыльце сидела шестнадцатилетняя Мила. В руках она держала блокнот и карандаш, давила грифелем так сильно, что оставались вмятины на нескольких листах. На бумаге раз за разом получались одни и те же силуэты: высокие ели, наклонённые к краю листа, будто тянул их какой-то невидимый ветер. Девушка стирала, начинала заново – и вновь деревья уходили из деревни. Как будто блокнот сам настаивал: «смотри, лес тянется прочь».

Карандаш не выдержал – грифель сломался с сухим щелчком. В тот же миг к калитке подошёл Илья, одноклассник Милы. Семнадцатилетний сын агронома, скептик и рационалист, он приносил пакет семян для огорода. Увидев Милины рисунки, он прищурился, пытался пошутить:

– Опять ужастики рисуешь? Люди и так нервничают, а ты им картинки для ночных страхов готовишь.

– Это не ужастик, – буркнула Мила, пряча блокнот. – Просто... лес какой-то странный. Слушай, как тихо.

Илья на секунду поверил её интонации и прислушался. По-настоящему – как будто хотел уловить смех травы или шорох крыльев. Услышал – только молчание. Хотел отмахнуться, но в этот момент с высокой ели, что росла у самой калитки, сухая ветка с треском сломалась и рухнула к его ногам. Парень вздрогнул, отступил, семена чиркнули по столбу.

– Ладно, – признал он, пытаясь оставить насмешку в голосе, – отпуск у соловьёв отменяется. Странно – зачтено.

Они оба посмотрели на лес. Оттуда тянуло запахом сырой земли, будто там кто-то огромный переворачивал пласты почвы. Лес вдруг перестал быть просто «фоном», стал чем-то живым, дышащим. Илья заметил, что Мила снова взялась за карандаш и вывела на листе не деревья, а костяные ребра – лес как грудная клетка.

В это время из дома выбежала пятнадцатилетняя Соня, подруга Милы. Лёгкие кеды громко ударялись о доски крыльца, щёки её горели, а в руках Соня держала поднятый над головой смартфон.

– Видели?! – почти выкрикнула она, не переводя дыхания. – У школы ворона! Три раза подряд – в окно! Я сняла!

Илья рефлексивно ответил: «биология», хотя его взгляд всё равно потянулся к экрану. Соня, не обращая внимания на его скептицизм, открыла видео и ткнула им Миле. Кадр застыл на вороне: чёрное крыло распластано, глаз блестит, как бусина. В голове Милы мелькнула мысль, что лес тоже бьётся о стекло – о невидимую стену – и пытается достучаться.

– Это знак, – упрямо сказала Соня. – Лес злится. Я это чувствую.

Илья хотел отмахнуться, но не нашёл привычной насмешки. Он мельком перевёл взгляд на лес – и вдруг всех троих словно пронзил странный холодок. Молчание затянулось.

Вскоре из дома вышла бабушка. В руках она держала тяжёлый чугунок, ложка в её руке звякнула по ободу, будто маленький колокол. Она бросила взгляд на подростков.

– Милуша, к колодцу сходи, воду для кваса принеси. И вы там помогите, философы, – мягко усмехнулась она. – Болтовня, конечно, хлеб, да не всем.

Колодец

Тропа к колодцу проходила по знакомым с детства корням, как по шнуркам от старого пианино. Справа пустырь зарос полынью, ветер оставлял в носу горький шлейф. Старый колодец стоял в тенистом месте, его кладка поросла мхом, как бархатной тканью.

Илья привычно взялся за ворот. Цепь звякнула, ведро ушло вниз. Мила и Соня встали рядом, заглядывая в тёмную глубину. Но когда ведро поднялось, на поверхности вода играла неприятной радужной пленкой, словно на бензиновой луже. В детстве они любили такие переливы – «волшебство», говорили. Теперь полосы бензиновых цветов пахли металлическим привкусом.

– Фу, – поморщилась Соня. – Не пей.

– Похоже, кто-то стирал возле реки, – попытался пошутить Илья, но побелевшие пальцы на ручке воротка выдавали тревогу.

Мила наклонилась, ожидая привычного свежего запаха. Вместо него – запах пустоты. Она чувствовала, как под пальцами дрожат камни: снизу будто стучали кулаком по кольцу колодца. Раз. Пауза. Снова. Стук шёл вверх, в ребра, в зубы. Девушка взвизгнула и отпрянула. Илья тут же схватил её за локоть, Соня сжала плечо подруги.

– Земля просела? – выдавил Илья, хотя каждый понимал: это был не «сбой грунта», а «ответ».

Ведро тяжело поднялось, словно вместе с ним пытались вытащить что-то цепкое. Радужная пленка тянулась за его стенками тонкими языками, рвалась, как слюна. Бросаться этим бабушке в кувшин – было нельзя.

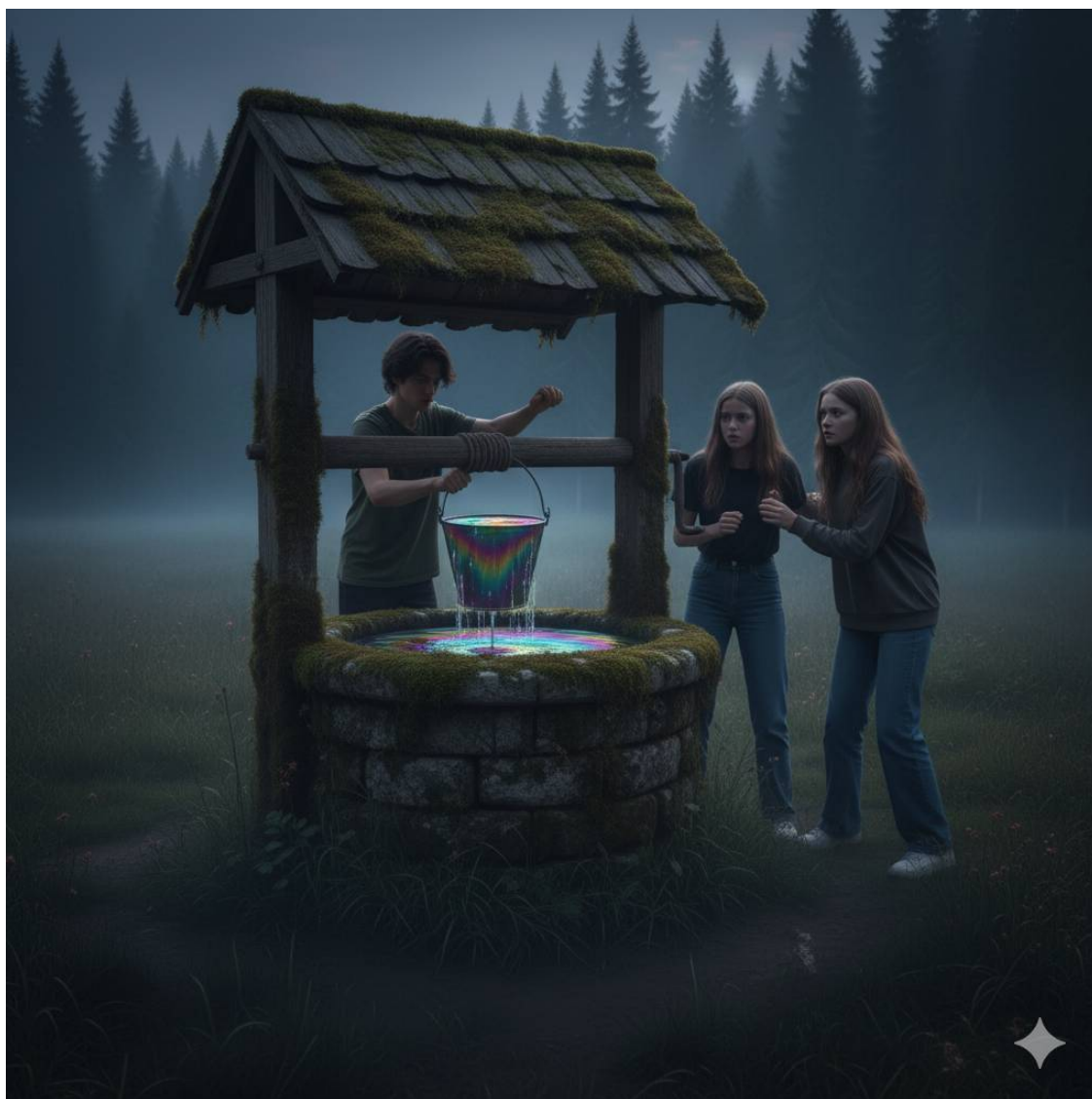
– Эту воду домой не несём, – твёрдо сказала Мила. Её голос прозвучал неожиданно уверенно, как у взрослого.

– Это завод, – пробормотала Соня, стряхивая каплю воды с пальца. – Я видела: весной они там рыли. Трубы тянули. Ночью, наверное, что-то сливают.

– По документам – ливнёвка, всё по нормам, – начал было Илья голосом отца, но быстро осёкся, разглядывая воду. Плечи его опустились. – А неофициально – вот это.

Ветер прошелестел в верхушках, деревья ответили сухим хрустом, похожим на тихий треск ломаемых спичек. Отчётливо ощущалась граница: тень от леса легла на ноги, как холодная полоска. Дальше начиналась территория леса, со своими правилами.

Ребята медленно вылили ведро с мутной водой в канаву. Бабушка в тот день решила: чай заварить из магазинной воды. Кваса не будет.

День и бабушкин совет

Обычно дневная суета в деревне рассеивала тревогу. Мила вместе с Соней мыла яблоки для пирога, запах свежих яблок смешивался с запахом тёплой земли. Девочка поймала себя на мысли, что слушает – не разговоры взрослых, не пение петухов, а шорохи с той стороны огорода.

– Знаешь, у Витьки кот пропал, – шепнула Соня между делом. – Нашли в канаве, где вода от завода. Мокрый, будто сам туда ушёл. И дождя не было.

Мила молча посмотрела на лес. Он стоял словно человек, которому жарко, но который стесняется сказать. В её груди снова пошевелилась та же рыба: «идём, идём...».

Под вечер небо натянулось серой плёнкой. Бабушка убрала кастрюлю с плиты, вздохнула:

– Сегодня без кваса. Чай будет. Завтра, может, лучше будет.

Мила, не выдержав, спросила:

– Бабуль, а раньше такое бывало, чтобы вода в колодце...?

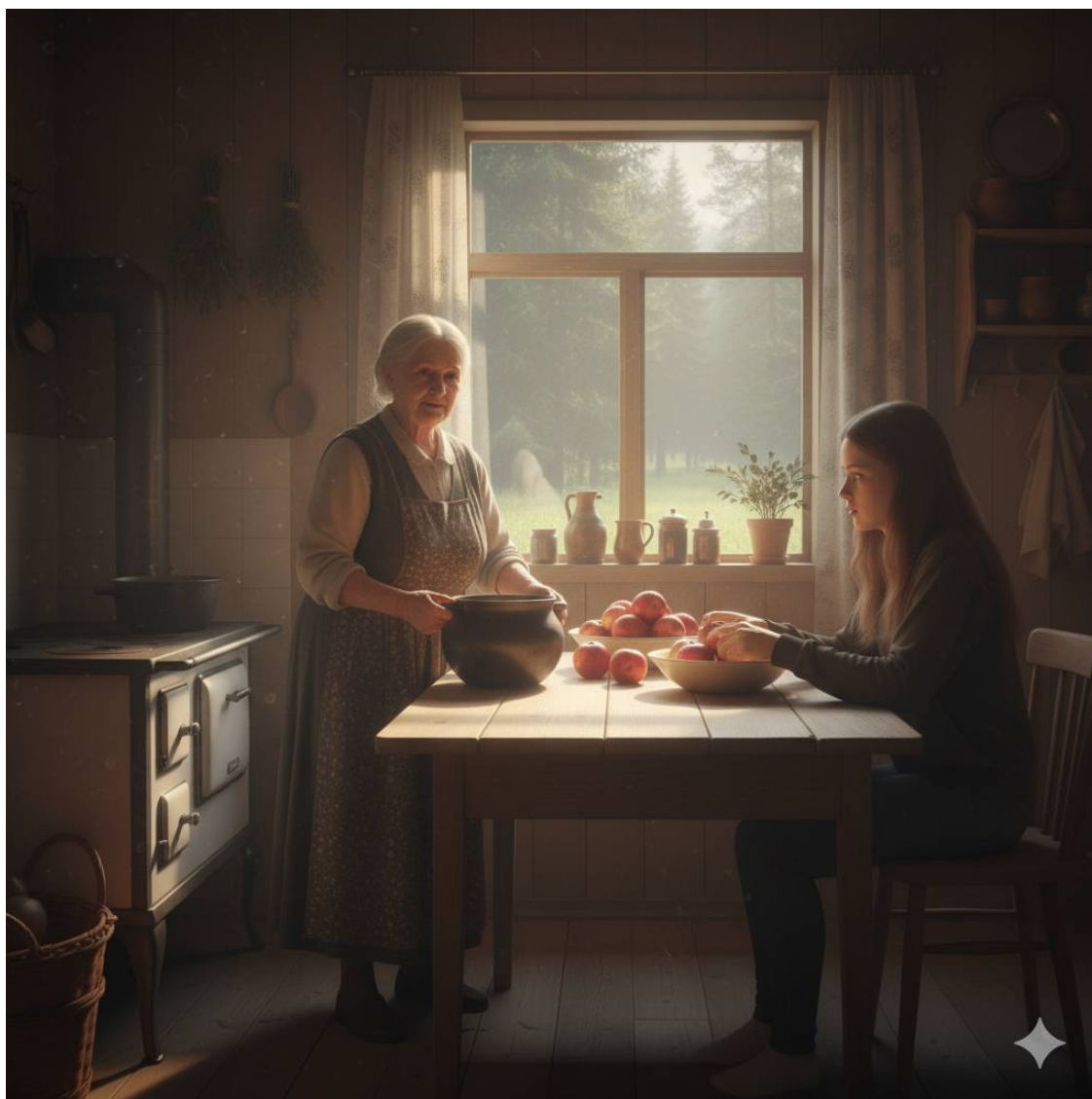
Старушка посерьёзнела, отложила ложку.

– Вода живая, девочки, – сказала она. – Как человек. Её можно обидеть, можно обрадовать, можно убаюкать. Но если долго обижать – она обижает в ответ. И тогда и молитвы не слышит.

– Кто её обижает? – Соня зависла с яблоком в руке.

– Те, кто думают, что сила – это только трубы и бумажки, – ответила бабушка, потушив газ. – Вы к лесу сегодня не ходите. Ветер неправильный.

Они поклялись. Но кожа у Милы иголочками показала, что слова – одно, а внутреннее чувство – другое: лес ждал их.

Ночь и сон

Ночь накрыла деревню липким воздухом. Мила ворочалась, считала тени на потолке. Заснула – и сразу увидела сон. Лес словно подошёл вплотную к дому. Стволы казались столбами моста, мхи свисали длинными бородами. Лес дышал – вдох пахнул дождём, выдох – холодом и прелыми листьями. Где-то в глубине среди деревьев светилося зелёным, как лампа под абажуром. Миле казалось, будто сама земля под ногами пружинит, как барабанная кожа, от каждого её шага.

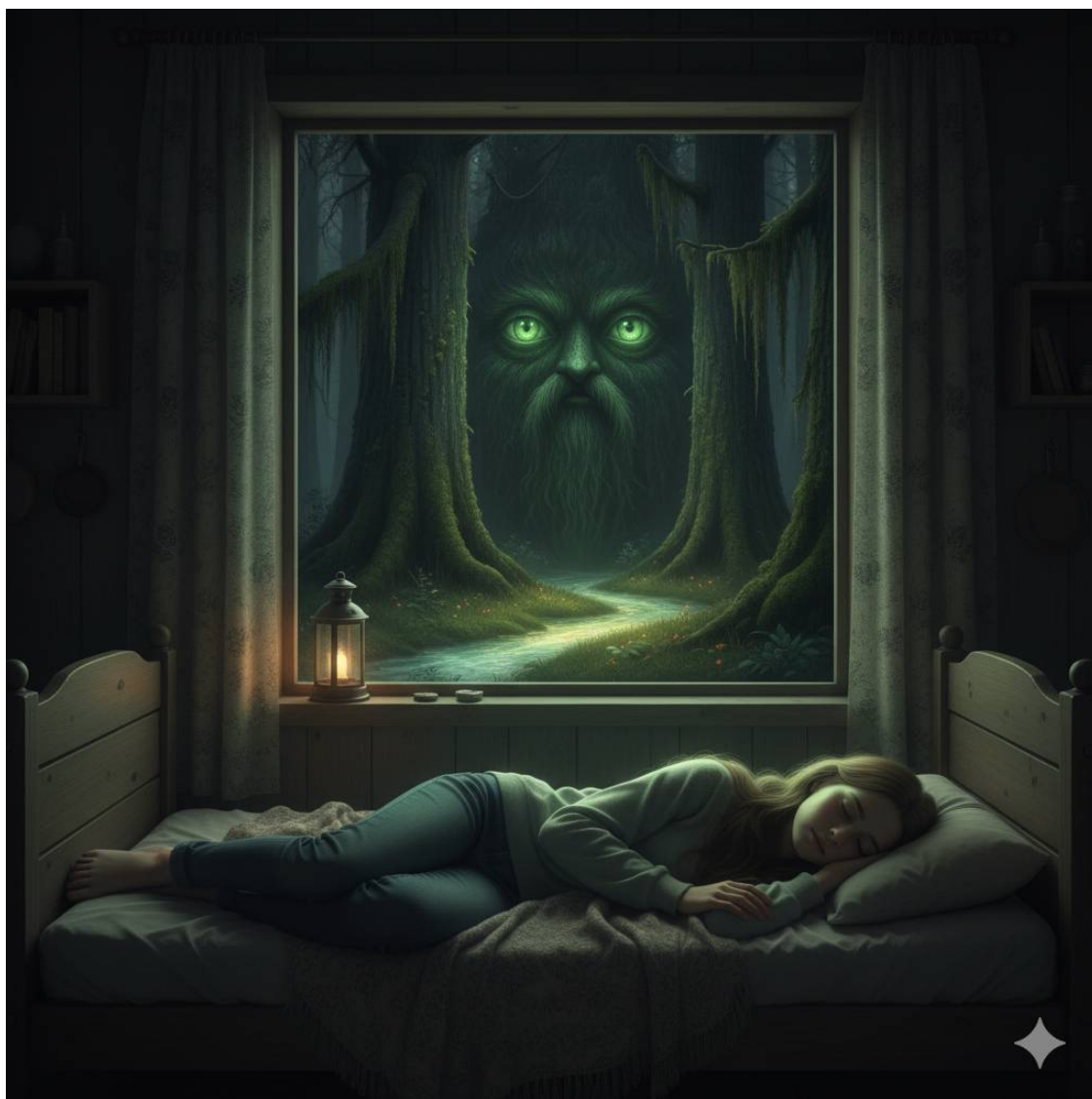
На поляне девушка увидела два огромных глаза, светящихся зелёным. Они не были страшными – наоборот, казались усталыми, мудрыми. Она попробовала поздороваться, сказать «прости», но звуки тонули в туманном воздухе, как камень в колодце. По ногам вдруг потекла вода – сначала тонкими нитями, потом сильнее. Она была тёплой и тяжёлой, как масло. Вода стекала в канаву, и там мелькнула белая кошачья грудка. «Глаза» стали ближе, Мила поняла: это не глаза, а окно, в котором отражается силуэт. Слишком высокий.

В этот момент Мила проснулась. В комнате было душно, но её знобило. В окне висел прямоугольник света – фонарь у клуба. С улицы доносился тихий звук, словно в бабушкиной печи догорали угли. Но этот звук шёл от леса.

Она поднялась, подошла к окну и отодвинула занавеску. На границе огорода – более тёмная, чем ночь, полоса леса. Там, где днём лежала ветка, кто-то стоял. Высокая тень. Неподвижная. Сложенная будто из тонких вертикальных полос, как из клетчатой бумаги. Тень не двигалась, но Мила ощутила, что она слушала.

– Я тебя вижу, – прошептала девушка.

Лес шепнул в ответ лёгким шумом крон. Мила отпустила занавеску, прижала холодные ладони к щекам. В голове возникла чёткая мысль: завтра утром они должны пойти в лес.

Утро и ритуал

Следующее утро было серым и невесёлым. Бабушка уже копалась в огороде. Мила проснулась рано. Она вспомнила сон, вспомнила воду, вспомнила странный стук в колодце. Перед тем как идти в лес, девушка решила сделать то, что ей когда-то показывала бабушка: маленький обряд, который помогал сосредоточиться и смыть тревогу.

Она взяла гранёный стакан, налила из бутылки чистой воды, бросила щепотку соли. Вода стала мутной. Мила коснулась края стакана кончиками пальцев и прошептала: «Тревогу – в воду, внимание – ко мне». Затем сделала маленький глоток. Прислушалась: за окном ворчали воробы, вдали цокали колёса тачки по неровностям. Второй глоток – и шум улицы стал чётче, появился запах испечённого хлеба. Третий глоток – и ещё одна тень тревоги ушла, её место заняло спокойное внимание. Остаток воды Мила аккуратно вылила под дерево в огороде.

Соня, заметив, как Мила нашептывает слова над стаканом, подошла и повторила за ней. Илья скептически приподнял бровь, но взял у бабушки кружку и сделал то же. Никто не смеялся.

– Жить захочешь – будешь и нашептывать, – пробормотал Илья. – Всё. Пошли.

Бабушка, словно чувствовала, что настал момент, подняла голову. На мгновение их взгляды встретились. Старуха тихо сказала:

– С добром иди, с глупостью не ходи. Страшно – не бойся. Не страшно – бойся.

Трое подростков вышли за калитку. Тропа была знакома до сантиметра. Они молча шли к лесу, будто выключили звук, чтобы услышать, что скажет другое. Лес приближался не стеной, а как распахнутая пасть. На секунду казалось, что ещё шаг – и он проглотит.

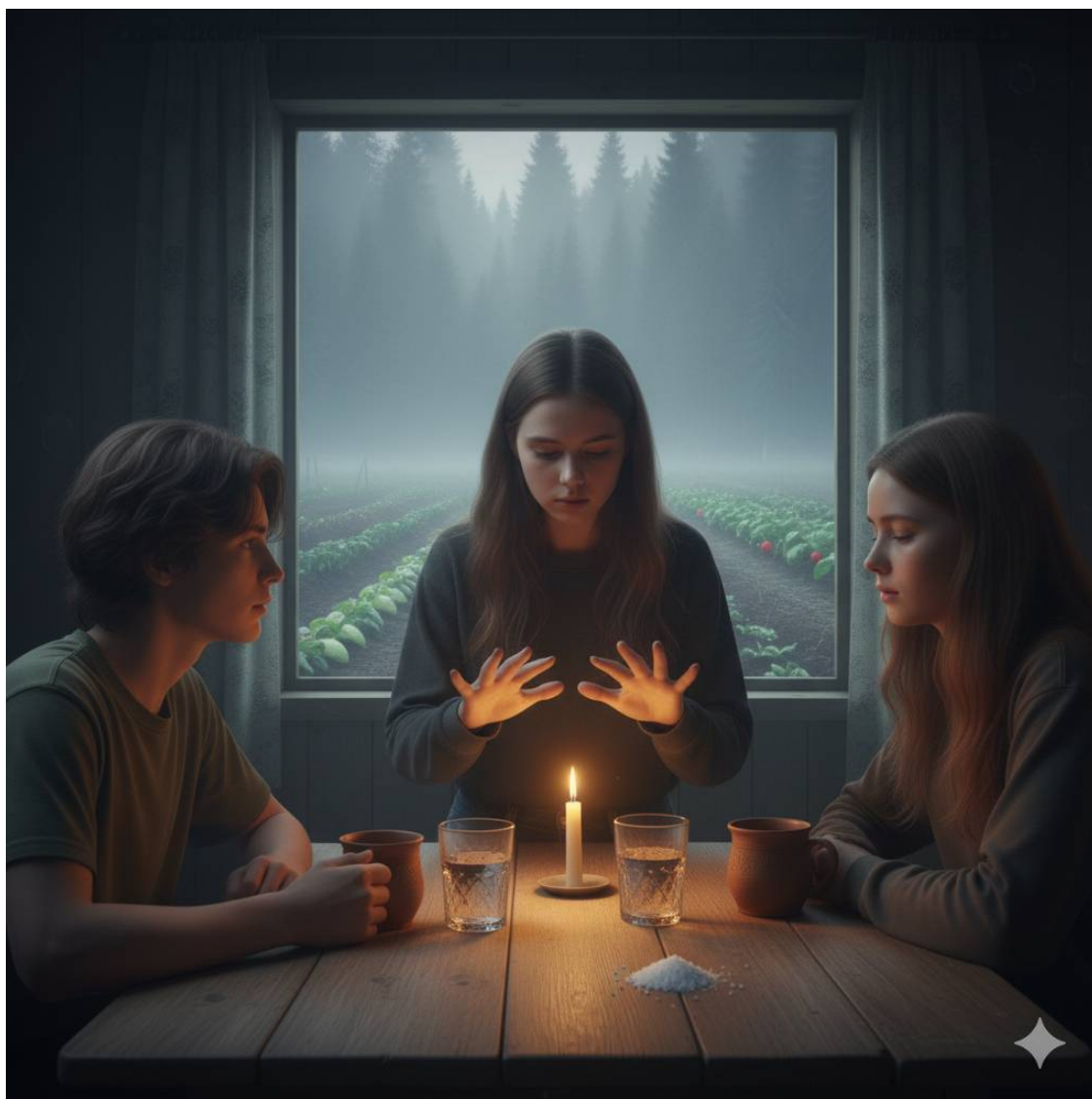
Они остановились у самого края. Здесь тьма была плотной, как густой мёд. Мила достала тонкую восковую свечку, зажатую в кармане – как талисман. Илья посмотрел на неё, на свечу, но не сказал ни слова. Они сделали шаг. Земля под ногами поддалась, как подушка.

Из глубины леса, будто из другого сердца, донёсся глухой стук. Раз. Пауза. Ещё. Ещё. Стук был ровно такой силы, чтобы его невозможно было игнорировать – как бы ты ни хотел. Это был сигнал.

– Вы слышите? – прошептала Мила.

Их глаза встретились. Илья кивнул. Соня крепче прижала к себе кружевную заколку-бабочку в волосах – память о мирной жизни. Они сделали ещё шаг.

Лес выдохнул им навстречу.

Домовой в печи

Когда трое ребят сделали первые шаги в лес, тот выдохнул им в лицо прохладой и сыростью. Под ногами мягко прогнулась земля, как матрац. В глубине слышался глухой стук, похожий на тот, что бил из колодца, – будто сердце леса отвечало их шагам. Мила с затаённым страхом смотрела на кроны, но девчонки рядом зацепились руками, и только Илья шёл, чуть наклонив голову, будто слушал невидимые сигналы. Еще пару минут – и шум становился громче, плотнее, как будто кто-то нарастал струнные в симфонии, не выпуская ни одного лишнего звука.

Тишина леса казалась густой. Каждый треск ветки оглушал, каждый шорох заставлял сердце биться чаще. Внезапно ветка слева хрустнула громче, чем надо, и из-за деревьев послышался скрип – скорее похожий на вздох старой печки, чем на обычное падение ветки.

– Назад, – тихо сказал Илья.

Это «назад» было не приказом, а камертоном. Он развернулся и, не сбиваясь, пошёл назад по тропинке. Мила и Соня быстро присоединились. Лес не задерживал. Он словно наблюдал за ними, провожая взглядом, как мать провожает ребёнка до ворот.

Из леса они вышли так же неожиданно, как в него вошли. Переступая границу тени, Мила ощутила, будто сняла тяжёлую куртку – воздух стал легче. Огромный вдох, и лишь тогда она поняла, что всё это время дышала слишком редко.

– Надо подготовиться, – пробормотал Илья, глядя на тёмную кромку. – Мы слишком влетаем.

– Домовой поможет, – сказала Соня вдруг.

– С каких пор ты веришь в домовых? – удивился Илья.

– С тех пор, как в нашей печке ночью что-то шуршало, а утром я нашла, что метла переставлена, – ответила Соня. Её улыбка выглядела натянуто, но глаза блестели от любопытства.

Они вернулись домой почти в молчании. В кухне пахло печёными яблоками. Бабушка сидела у стола, перебирая сушёные травы. Старый белёный кирпич печки тепло дышал в спину.

– Что, в лес сходили? – спросила она, не поднимая глаз. – Чай попейте.

Мила протянула руку, взяла кружку и вдруг почувствовала – кирпич печки дрогнул. Как будто внутри кто-то пошевелился. Девушка замерла. Зашуршало ещё раз. Затем прямо из глубины печи прозвучал тихий голосок:

– Фу, опять всё в беспорядке...

Мила обменялась взглядом с Соней. Илья попробовал заглянуть в духовку. Пламени не было, стояла только тёплая тишина. Но внутри раздался чих. Потом краем чего-то светленького, покрытого шерстью, из-за заслонки высунулась мордочка: широкие щеки, острые глазки, нос картошкой. Домовой.

– Каша манная, – буркнул он, кривя нос. – Всё вверх дном. Как в этом жить?

Существо было ростом с кошку, с седыми вихрами на голове и обвязанным фартуком. Он высунулся ещё, как маленький дедушка, и нахмурился, когда увидел ребят.

– Фу, люди. И кто бардак развёл? – деловито проговорил домовый и снова чихнул. – Пылюка в носу.

Бабушка, как ни странно, не удивилась.

– Семён, знакомься, – сказала она, осторожно улыбнувшись. – Это дети. Они хотят помочь лесу.

– Лесу надо помочь? – домовый насутился. – А как же дому помочь? У вас на столе хлеб коркой вниз лежит, травы впере мешку, соль не закрыта. Как в грязной лапте.

Соня полезла было под локоть Милы, но бабушка протянула руку: «Подожди». Домовой в это время вылез полностью, встал на кирпичи и, поставив руки в боки, критически оглядел кухню.

– Так не пойдёт, – заключил он. – Хотите силы? Сначала порядок.

Он подошёл к столу. Дважды переставил салфетку, ровно положил нож у края доски. Потом снял со стены веник, кивнул на него с уважением и аккуратно поставил в угол, прижав его дощечкой, чтобы щётка не падала.

– Сейчас покажу вам простой порядок, – проворчал домовый, но в голосе его было скрытое удовольствие. – Не потому что вы неряхи. А потому что эта мелочь настраивает голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.